

ЛЕОНАРД ГУСТОЙ

РЕЕСТР НЕВОЗМОЖНОГО

16 ИСТОРИЙ

ТАМ, ГДЕ ЗАКАНЧИВАЮТСЯ ПРАВИЛА, НАЧИНАЕТСЯ РЕЕСТР

18+

Леонард Густой

**Реестр невозможного
- Пять колец пустоты**

«Автор»

2026

Густой Л.

Реестр невозможного - Пять колец пустоты / Л. Густой —
«Автор», 2026

В Чернореченске реальность давно перестала подчиняться здравому смыслу. В карельских лесах скрываются трёхметровые чудовища, под городом существуют забытые поселения, демоны работают по ведомственным инструкциям, а древние кольца способны изменять законы мироздания. Пока могущественный Лачо Баро собирает пять колец абсолютной власти, ему противостоит необычная команда: суровый шиномонтажник с гигантским гаечным ключом, бывший актёр — вожак лесных существ, охотники за нечистой и чиновница, способная поставить на учёт даже конец света. «Реестр невозможного» Леонарда Густого — 16 взаимосвязанных историй, в которых мистика, ужасы, чёрный юмор и абсурд сплетаются в одну безумную историю. Здесь невозможное становится обыденностью. Но за попытку подчинить реальность придётся заплатить страшную цену.

© Густой Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Оглавление	6
1. Кровь Баро	7
2. Аномальный хайп	16
3. Лесное эхо	23
4. Город под городом	29
5. Отмена реальности	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Леонард Густой
Реестр невозможного - Пять колец пустоты
РЕЕСТР НЕВОЗМОЖНОГО
Сборник рассказов · 16 историй

Оглавление

1. Кровь Баро
2. Аномальный хайп
3. Лесное эхо
4. Город под городом
5. Отмена реальности
6. Змеиный привкус
7. Тигры против змей
8. Правильно не будет
9. Ад по записи
10. Предел правильного
11. Директор не отпускает
12. Последний долг до пятницы
13. Четыре кольца до конца
14. Посмертная регистрация
15. Осада реальности
16. Пять колец пустоты

1. Кровь Баро

Лачо был чистокровным цыганом, носил строгое серое пальто, но его истинную натуру скрыть было невозможно. Высокий, поджарый, с иссиня-чёрными кудрявыми волосами и резкими чертами лица. Его кожа имела глубокий бронзовый оттенок, а на левой щеке белел тонкий шрам — память о бурной юности. Но самым гипнотическим в его внешности были пронзительные глаза цвета крепленого чая. На его пальце вместо стандартного обручального кольца тускло поблёскивал фамильный серебряный перстень с потемневшим сердоликом. Лачо обладал феноменальной интуицией и умением слушать то, о чём молчат. Перед ним на столе лежала старинная шкатулка: в ней, помимо фамильных реликвий, хранились заговоренные цыганские пули, отлитые его дедом из чистого серебра — старый семейный оберег от темных сил, в существование которых Лачо, будучи юристом, долго отказывался верить.

Телефон зазвонил в два часа ночи. Громкий, дребезжащий звук заставил Лачо вздрогнуть.

— Баро на проводе, — глухо ответил он.

— Лачо, бросай всё, у нас ЧП в заброшенном депо на окраине, — раздался в трубке запыхавшийся голос дежурного. — Выезжай. Эксперты уже в пути.

Через полчаса служебный «УАЗик» притормозил у ржавых ворот старого паровозного депо. Ветер выл в разбитых стеклах крыши. Лачо поднял воротник и шагнул внутрь. Фонарики экспертов разрезали темноту. В центре полуразрушенного цеха, прямо на ржавых рельсах, лежало тело молодой женщины. Девушка была одета в нарядное платье, словно шла на свидание. Её кожа была пугающе, неестественно белой, напоминающей дорогой мрамор. Ни одной капли крови не было ни на одежде, ни на земле вокруг. На шее отчетливо виднелись две глубокие, ровные раны, похожие на хирургические разрезы.

Лачо присел на корточки. Он приложил пальцы к шее погибшей, хотя по температуре тела и отсутствию пульса понимал, что она мертва уже несколько часов.

— Что скажешь, Михалыч? — спросил Лачо подошедшего судмедэксперта.

Пожилой врач вытер вспотевший лоб:

— За тридцать лет практики я видел всякое, Лачо. Внешне — ни капли крови, тело выглядит полностью обескровленным. На месте точнее не скажу, нужно везти в морг. Похоже, её выкачали очень быстро. И самое странное: судя по безмятежному выражению лица, она не сопротивлялась.

Пока эксперты описывали место происшествия и аккуратно укладывали тело, Лачо медленно двинулся по периметру цеха. Старые люминесцентные порошки часто подводили, поэтому цыганская зоркость оставалась его главным оружием. В паре метров от рельсов, в густой тени от бетонного пилона, Лачо заметил небольшую дамскую сумочку. Она была раскрыта.

Надев плотные резиновые перчатки, следователь опустился на колено и подозвал криминалиста для фиксации. Из бокового кармашка сумочки под протокол был извлечен плотный картонный прямоугольник — билет на концерт Гены Вестова. Лачо нахмурился. Буквально неделю назад это выступление столичной звезды внезапно и без объяснения причин отменили. Занималась этой громкой отменой суровая чиновница из теневого комитета по культуре, бледная и абсолютно безэмоциональная женщина по фамилии Тризубина. Лачо лично пересекался с ней на днях, когда та приходила в прокуратуру подписывать акты ведомственной проверки. Что делала погибшая здесь с билетом на несостоявшееся шоу?

Продолжая осмотр, Лачо нащупал на дне сумочки плотный прозрачный зип-лок пакет с непонятным веществом — мелкодисперсным фиолетовым порошком, который странно мерцал при свете фонарика.

— Михалыч, взгляни, — позвал Лачо, пока криминалист упаковывал улику в пакет для вещественных доказательств. Сквозь пластик пробивался едва уловимый, приторно-сладкий запах, от которого во рту появился металлический привкус.

Пожилой доктор озадаченно почесал затылок:

— Впервые вижу. Цвет неестественный. Похоже на какую-то кустарную химию.

Михалыч отобрал небольшую пробу для экспресс-анализа в лаборатории, а официально опечатанный пакет с оставшейся частью порошка вернул Лачо под расписку для оперативной работы.

Лачо вышел из депо на грязно-серый рассвет. Путь его лежал в частный сектор, где за высокими кирпичными заборами прятались роскошные особняки. Граф, он же Руслан Баро, был родным братом Лачо. В отличие от следователя, выбравшего закон, Граф выбрал улицу и подмял под себя весь местный теневой рынок. Лачо вошел в огромный дом. Граф сидел в гостиной, пересчитывая пачки банкнот.

Лачо молча выложил на стол изъятый и зарегистрированный пакет с фиолетовым мерцающим порошком.

— Мне не до шуток, Руслан. Это нашли у мертвой девушки. Что это?

Граф лениво взял пакет, и вдруг его лицо резко изменилось, в глазах появился неподдельный страх.

— Уноси эту дрянь отсюда, Лачо. Мои парни называют это «Пыльцой фей». Она появилась пару недель назад, как раз перед отменой концерта Вестова. Те, кто её принимают, говорят, что видят ангелов. А потом они исчезают. За этим стоят очень страшные, недостижимые люди.

В этот момент в кармане плаща Лачо затрещал портативный телефон. В трубке раздался взволнованный голос Михалыча:

— Лачо! Я в лаборатории, сделал предварительные тесты по фиолетовой гадости! Это чудовищно. Похоже на сильнейший психотропный антикоагулянт, смешанный с неизвестной органикой. При попадании в кровь он полностью блокирует её свертываемость и заставляет сосуды сжиматься, выталкивая всю жидкость к крупным артериям. Человека буквально готовили к быстрому выкачиванию! И Лачо... тут второй звонок. На набережной, у речного вокзала нашли еще одно тело. Девушка. Точно такая же белая, как мрамор. И у неё в кармане нашли такой же билет на отмененный концерт!

Лачо сжал трубку и мгновенно набрал рабочий номер Тризубиной, чье ведомство расследовало отмену концерта:

— Тризубина, хватай материалы по Вестову и дуй на речной вокзал. У нас серия. Встречаемся там.

Служебный транспорт в это утро работал с перебоями из-за забастовки автопарка прокуратуры. Граф, понимая серьезность ситуации, свистнул своего лучшего вороного жеребца по кличке Гром — чистокровного красавца, способного пробраться через любые утренние заторы и разбитые переулки быстрее любой машины. Лачо бросился к сейфу, пересыпал заговоренные серебряные пули из шкатулки в карман пальто, вскочил в седло и понесся напрямик к набережной.

Возле набережной уже мигали маячки милицейских машин. Лачо осадил коня. В центре оцепления, прямо на холодном граните, лежало второе тело. Там же Лачо застал и Тризубину, которая прибыла на такси и уже изучала место происшествия со своим привычным каменным лицом. Но внимание Лачо привлек незнакомый мужчина в дорогом длинном черном плаще, который уверенно распоряжался экспертами.

Лачо соскочил с коня и подошел к оцеплению, бросая молодому сержанту:

— Кто это там командует?

Сержант испуганно вытянулся:

— Товарищ Баро, так это из главка прислали! Новый следователь по особо важным делам, Вениамин Кестов. Сказали, он теперь главный по этой серии. Привез официальное распоряжение за подписью генерала и поддельное — как выяснится позже — удостоверение, комар носа не подточит. Наше начальство его сразу утвердило.

Лачо прищурил глаза. Его перстень с сердоликом вдруг обдал кожу ледяным холодом. Следователь сделал несколько шагов вперед. Кестов повернулся боком, чтобы дать указания экспертам, и в этот момент полы его длинного плаща разошлись. Из его заднего кармана брюк небрежно, наполовину торчал прозрачный пакет с фиолетовым мерцающим порошком — той самой «Пыльцой фей». Видимо, Кестов чувствовал себя настолько неприкасаемым в роли личного проверяющего, что даже не позаботился о конспирации.

Пазл в голове Лачо мгновенно сложился. Имя «Вениамин Кестов» странно перекликалось с именем отмененной звезды «Гены Вестова». А наличие смертоносного психотропа у следователя из главка ломало все правила. Лачо сохранил железное самообладание и спрятал подозрения за маской вежливости.

— Приветствую, Вениамин. Я Лачо Баро, веду это дело с первого трупа, — спокойно произнес цыган. — Предлагаю поехать ко мне в кабинет и подробно обсудить оба эпизода в спокойной обстановке.

Через полчаса они уже сидели в кабинете Лачо. Следователь достал бутылку крепкого коньяка, налил гостю и начал тонко, узел за узлом, развязывать язык Вениамина, аккуратно применяя свой дар психологического давления. Алкоголь и запредельная гордыня Кестова срабатывали. Он вальяжно откинулся на спинку стула, его глаза зловеще блеснули, и он выложил всю безумную правду, упиваясь собственной безнаказанностью.

На самом деле он был самим Геной Вестовым!

— Мой концерт отменили, Баро! — яростно прошипел он, теряя человеческий облик. — Промоутеры кинули меня! Моё эго было растоптано. Но это еще не всё... Мои фирменные футболки стали никому не нужны! Никто не хотел их покупать!

Дальше Гена открыл свою жуткую суть. Его кожа позеленела, а зубы удлинились. Он признался, что начал убивать местных девушек, буквально отсасывая у них всю кровь, потому что он — зомби-нацист, восставший из мертвых ради мести.

— А порошок? — тихо спросил Лачо, сжимая под столом рукоятку пистолета.

— О, «Пыльца фей»? — захохотал зомби-музыкант. — Ее делает мой близкий друг — Жеффри Пешштейн! Он поставляет её мне, чтобы девчонки теряли волю, а их кровь не сворачивалась!

— Время пострелять! — с этим криком Лачо Баро резко выхватил из кобуры свой верный табельный пистолет.

Оглушительные выстрелы разорвали тишину. Лачо хладнокровно выпустил всю обойму обычного свинца прямо в грудь зомби-музыканта. Пули прошивали тело, но из ран не пролилось ни капли крови — лишь посыпалась сухая серая земля. Зомби-нацист дико расхохотался, обнажив гнилые клыки:

— Обычный свинец не убьет того, кто уже мертв, цыган!

С этими словами Вестов с невероятной силой оттолкнулся от пола и сиганул прямо в закрытое окно, разбив стекло. Во внутреннем дворе прокуратуры стоял ярко-желтый «Ламборгини». Зомби приземлился точно на асфальт, на лету распахнул дверь-ножницы, сел в итальянский суперкар и с диким ревом мотора сорвался с места.

Лачо выругался, лихорадочно выхватил стационарный телефон и набрал сначала брата, а затем Тризубину. Опережая бегство монстра, он скоординировал их действия, на ходу выстраивая капкан на единственном выезде из города, который вел к загородному шоссе. Сам Лачо выбежал во двор, зарядил в пистолет серебряные патроны деда и вскочил на Грома.

Поперек шоссе уже стоял бронированный бандитский «Мерседес» Графа. Рядом с ним, облокотившись на капот, стояла Тризубина, державшая наготове папки с официальными бланками. Желтый суперкар с визгом тормозов остановился в метре от заграждения. Гена Вестов выскочил из салона, его глаза налились яростью, когда он увидел ту, кто разрушил его тур.

— Ты! — прорычал Вестов, указывая на бледную блондинку. — Ты отменила моё шоу! Тризубина даже не моргнула. Её лицо оставалось абсолютно неподвижным:

— Твой концерт был отменен из-за несоответствия санитарным нормам. Зомби-нацистам не место на нашей эстраде.

В этот момент сзади послышался бешеный топот копыт. Лачо Баро летел на своем верном Громе, сжимая в руке оружие с фамильными серебряными пулями.

Гена Вестов взревел и с нечеловеческой скоростью бросился на Графа, вонзив клыки прямо в его шею. Цыганский барон вскрикнул, а зомби-вирус вместе с ядом «Пыльцы фей» мгновенно начал проникать в его кровь. Тризубина, сохраняя леденящее спокойствие, стала прямо на капоте писать заявление в милицию, монотонно угрожая: «Гражданин Вестов, ваши действия незаконны. Я грожу вам ещё более масштабными отменами».

Но подоспевший Лачо действовал решительнее. С яростным криком он на лету прыгнул с коня Грома. Его серебряный перстень с сердоликом вспыхнул багровым светом. Следовательно всем телом рухнул на Вестова, вонзив заговоренный перстень прямо в грудь монстра и сделав в упор выстрел серебряной пулей. Древняя магия крови и серебра сработала мгновенно — Гена замертво рухнул на асфальт, превращаясь в кучку зловонного серого пепла.

Лачо тяжело поднялся и подбежал к брату. Граф лежал на холодном асфальте, его кожа стремительно бледнела, становясь мраморной. Фиолетовые вены проступили на лице.

— Лачо... брат... — прохрипел Граф. — Найди... Найди Жеффри Пепштейна... Пообещай мне...

— Обещаю, Руслан.

Граф глубоко вздохнул, его глаза закрылись, и он умер на руках у брата. Лачо поднялся, его взгляд был полон ледяной ярости. Впереди был главный враг — создатель «Пыльцы фей».

Глава 2: Тень Пепштейна

Прошло полгода. На дворе стояла весна 1994-го. Руководство прокуратуры категорически запретило Баро заниматься этим делом, официально списав смерть Гены Вестова и Графа на «разборки преступных группировок». Лачо пытались связать по рукам и ногам. К нему приставили помощника по имени Борис, которого в управлении все называли Бесон.

Бесон был крупным, грузным, абсолютно лысым мужчиной, от которого вечно пахло дешевым табаком. Раскрытию запутанных дел он искренне предпочитал полежать на колченогом диване в кабинете и попить пивка, лениво листая криминальную хронику. Он выполнял роль «глаз и ушей» начальства.

Но втайне от всех Баро и Тризубина продолжали собственное подпольное расследование. Светловолосая женщина без мимики оказалась идеальным напарником. Пользуясь своими старыми связями в сфере шоу-бизнеса, она методично прочесывала финансовые отчеты фирм-однодневок, через которые Пепштейн гнал в город «Пыльцу фей».

В один из весенних вечеров в кабинет бесшумно вошла Тризубина. Она положила на стол Лачо мятый листок бумаги.

— Пепштейн здесь, — монотонно произнесла она. — Он выкупил частный остров посреди водохранилища. Там закрытый клуб для элиты. Доставка припасов только по воде. И туда везут новую партию «Пыльцы фей».

Лачо прекрасно понимал: соваться на охраняемый остров вдвоем с Тризубиной — это верная смерть. Им была жизненно нужна легенда и надежное прикрытие. Подготовка заняла три дня: за это время Тризубина вызвала своего мужа, а Лачо договорился с людьми из табора.

Настал вечер операции. Выяснилось, что супруг Тризубины — настоящий карельский знахарь. В прошлом он был столичным рокером, но отказался от городской суеты, поменял кожаные штаны на оранжевую одежду буддийского монаха и переехал жить на Онежское озеро. Там, в глуши, он практиковал древний суровый ритуал — лизал лед на озере, чтобы сливаться с природой и набираться великой силы. Из табора Лачо выделили лучшего специалиста по скрытным операциям — цыгана-карманника по имени Янош. Парню было чуть за двадцать, он был невысокого роста, худой, жилистый и невероятно юркий, одевался в яркую атласную рубаху и кепку-восьмиклинку.

Легенда для штурма острова Пепштейна сложилась идеально: бледная Тризубина и её муж-знахарь из Карелии шли на VIP-вечеринку как «почетные духовные наставники», Лачо Баро изображал их личного телохранителя, а юркий Янош — слугу-фокусника.

Перед самым выходом из здания прокуратуры Лачо нужно было решить проблему с надзирающим за ним Борисом. Пока Бесон сладко спал на диване после очередной бутылки «Жигулевского», Баро аккуратно взял открытую бутылку пива, стоявшую на полу, и подмешал туда мощную дозу цыганского травяного снотворного. Бесон на автомате сделал во сне пару глотков, сытно рыгнул и окончательно провалился в глубокий беспробудный сон. По расчетам Лачо, снотворное должно было подействовать как минимум на двенадцать часов, надежно выключив соглядатая из игры на время их водного марш-броска.

Запрыгнув в старый катер, команда под покровом сумерек двинулась к острову. Катер причалил к деревянному пирсу с обратной стороны. Как раз в эту самую минуту к главному причалу пришвартовалось роскошное белоснежное судно. С его палубы с шумом выходил местный мэр по имени Даня Козырев со своей женой модельной внешности и двумя охранниками. Всего с ним было ровно четыре человека.

Янош мгновенно оценил обстановку:

— Дядя Лачо, гляди, их как раз четверо, и нас четверо. У этих пижонов точно есть VIP-пропуска. Пора действовать!

Карельский знахарь, шурша своими оранжевыми одеждами, уверенно шагнул наперерез свите мэра.

— О, великий вождь оранжевого заката! — зычным голосом обратился знахарь к Дане Козыреву. — Я вижу в твоей ауре тяжесть городской суеты. Тебе нужно очистить чакры! Поехали со мной на Онежское озеро, мы будем вместе лизать святой лед!

Козырев на секунду опешил. Его соломенная шевелюра взметнулась от ветра, он брезгливо осмотрел чудака и высокомерно произнес:

— Послушай, парень, это фейк-нюз. Твой лед — это полный отстой, неудачники лижут лед. Мне это абсолютно не интересно.

С этими словами мэр бесцеремонно отодвинул знахаря и зашагал к массивным дверям особняка. Он даже не заметил, что пока он слушал бред, мимо него тенью проскользнул юркий Янош. Пальцы молодого цыгана сработали с молниеносной скоростью — он вытащил четыре VIP-пропуска из карманов Козырева, его жены и охранников. Пропуски были абсолютно обезличенными, золотыми картами без фотографий и имен. Янош незаметно вернулся к Лачо и победно подмигнул.

Тем временем Даня Козырев со своей свитой подошел к главному входу, где стояли огромные, безжалостные охранники Пепштейна, вооруженные автоматами.

— Пропуска на вечеринку, господин мэр, — хмуро потребовал старший секьюрити.

— Да без проблем, они у меня в... — Козырев уверенно похлопал себя по карманам, но там было пусто. Спутники мэра тоже залезли в карманы и с ужасом поняли, что их обокрали. — Подождите, это какая-то ошибка! Я мэр этого города!

Но правила на острове Жеффри Пепштейна были жестокими и не знали исключений для тех, у кого не было при себе заветных карт. Охрана даже не стала слушать оправдания. Раз-

дались оглушительные автоматные очереди, и мэра со всей его свитой просто расстреляли на месте без лишних разговоров. Тела повалились на ухоженный газон.

Лачо Баро крепче сжал свой серебряный перстень. Тризубина осталась абсолютно неподвижной. Теперь у четверки героев были билеты внутрь.

Предъявив на входе украденные обезличенные VIP-пропуска, герои уверенно зашагали к массивным дверям. Охрана, не сверяя личности, угрюмо кивнула и расступилась. Шагнув внутрь, герои оказались в огромном, залитом неоновым светом зале особняка. Повсюду стояли огромные чаны и бутылки с детским маслом, а на столах и коврах горами была рассыпана фиолетовая «пыльца фей».

Вокруг царил настоящий хаос: внутри было очень много знаменитостей той эпохи. На сцене читал рэп известный Ди Питти. А прямо у сцены, весь измазанный детским маслом, со стеклянными глазами стоял совсем юный паренёк Джас Бирер, который вообще не понимал, где находится под воздействием фиолетового порошка.

— Место огромное, — прошептала Тризубина. — Нам нужно разделиться, чтобы узнать, где сейчас прячется сам Пепштейн.

Они быстро распределили роли. Янош растворился в толпе звезд. Знахарь в своих оранжевых одеждах направился к чанам с маслом, делая вид, что проводит над ними обряд, а сам Лачо вместе с Тризубиной решили осмотреть второй этаж.

Янош попытался завести диалог с Джасом Бирером, но паренёк был слишком глубоко под воздействием фиолетового порошка. На все вопросы цыгана он лишь стеклянным взглядом смотрел сквозь него и бесполезно бубнил под нос: «Бейби, бейби, бейби, ооо...».

В это же время на другом конце зала карельский шаман успешно заговорил детское масло в одном из гигантских чанов. Он нашептал над ним древние мантры. Субстанция внутри сосуда начала странно светиться, активируя незримый защитный энергетический барьер. Эта древняя магия Онежского озера, подкреплённая ритуалом крови, надёжно защищала всех четырех спутников, связанных со знахарем узами общего дела, независимо от того, на каком расстоянии в особняке они находились.

А вот у Лачо Баро и Тризубиной возникли серьезные проблемы. Как только они приблизились к парадной лестнице, ведущей на второй этаж, дорогу им преградил огромный двухметровый охранник в черном смокинге.

— Туда нельзя, — глухо отрезал гигант, положив массивную ладонь на рукоятку автомата.

Ситуация на острове накалялась, но герои даже не подозревали, какой кошмар в этот самый момент разворачивался на материке.

В кабинете прокуратуры проснулся Бесон. Действие цыганского отвара закончилось гораздо раньше, чем рассчитывал Лачо — крепкий организм Бесона расщепил токсины всего за шесть часов, аккуратно к моменту, когда катер героев причалил к острову. Борис сел на диване, бешено потирая лысину, и быстро понял, что Лачо Баро его нагло перехитрил. Бесон пришел в ярость от того, что его покой нарушили. Осознавая, что начальство сотрет его в порошок, ленивый толстяк окончательно слетел с катушек на почве абстинентного синдрома. Он достал свой табельный пистолет, забаррикадировал двери и взял всех в заложники прямо в участке милиции, требуя, чтобы Баро немедленно вернулся. У заспанного Бесона теперь не было тормозов.

Тем временем на острове внезапно сменился свет, и на сцену, расталкивая танцующих, вывалился странный человек с безумным взглядом — Милон Аск. Запинаясь, он начал рассказывать какую-то чушь про полёты на Марс и стальные кибертраки. Публика недовольно загудела, и тут же суровые громилы увели Аска прочь со сцены.

В этот момент музыка резко оборвалась. На роскошный внутренний балкон второго этажа, прямо над огромным охранником, преграждавшим Лачо путь, величаво вышел сам Жеффри Пепштейн. На нем был шелковый халат, а в руках он держал хрустальный бокал.

— Приветствую вас, друзья! — зловеще прокричал он. — Сегодня будет самая лучшая вечеринка в истории! Давайте же начнём!

Пепштейн нажал на скрытую кнопку, и в ту же секунду с потолка начало литься детское масло, заливая неоновый зал сплошным скользким потоком. Фиолетовая «пыльца фей» вступила в реакцию с жидкостью, воздух наполнился ядовитыми парами, и произошло страшное: прямо на глазах у Лачо все гости особняка стремительно превратились в зомби-нацистов. Их кожа позеленела, глаза наливались мертвецким блеском, и они начали дико выть, сжимая кольцо вокруг незараженных героев. Четверку спасал только тот самый защитный барьер Карельского знахаря, удерживавший ядовитые испарения на расстоянии.

Что примечательно, личная вооруженная охрана Пепштейна в зомби не превратилась: нацистский магнат заходя выдал своим боевикам специальный антидот, защищавший их от воздействия паров. Они хладнокровно продолжали выполнять приказы хозяина.

Сам Пепштейн сверху судорожно пытался найти глазами своего лучшего друга Гену Вестова среди толпы новоиспеченной нежити, ещё не зная, что Баро уже расправился с Геной.

Пока на острове разворачивался этот ад, на материке ситуация разрешилась самым неожиданным образом. В это время Борис просто устал держать в заложниках полицейский участок. Ему надоело стоять с пистолетом, пиво окончательно выветрилось, да и спать хотелось немилосердно. Увидев, что штурмовать его никто не собирается, Бесон просто опустил оружие. В итоге его без лишнего шума увезли в психиатрическую больницу, потому что он всем уже окончательно надоел со своими неадекватными выходками и вечным перегаром.

Увидев Лачо с высоты своего балкона, Жеффри Пепштейн на секунду замер, а затем его лицо исказила хищная оскаленная ухмылка. Он властно указал пальцем на цыгана и приказал охране, имеющей иммунитет, привести его к нему в кабинет.

Внизу творился форменный хаос. Героев плотным кольцом окружили зомби-нацисты, преграждая путь к выходу. Из-за пугающе скользкого пола Янош не мог ничего сделать — парень то и дело падал. Тризубина активно начала писать на всех нацистов заявления, но нежити было плевать. А Знахарь, вспомнив свои суровые Онежские практики, опустился на четвереньки и начал неистово лизать детское масло прямо с пола, пытаясь через него вобрать в себя энергетику земли и очистить оскверненный зал.

Пока команда сдерживала натиск толпы, двое вооруженных громил подхватили Лачо и повели наверх. В кабинете у Пепштейна царил кричащий люкс. Хозяин острова вальяжно разливал дорогой напиток по бокалам. Он жестом предложил Баро сесть в глубокое кожаное кресло и, прищурившись, задал совершенно неожиданный вопрос:

— Ну здравствуй, Лачо. Скажи мне... как там поживает Роза?

Лачо резко подался вперед, его пронзительные глаза гневно блеснули:

— Откуда ты знаешь мою мать, тварь?!

Жеффри Пепштейн тихо и зловеще рассмеялся, отпивая из бокала:

— О, наивный мальчик... Роза была частым гостем на этих закрытых вечеринках много лет назад, еще до того, как ты научился держать пистолет. И раз уж мы здесь, с глазу на глаз... Пора открыть тебе семейную тайну. Я и есть твой настоящий отец, Лачо. Моя кровь течет и в тебе, и в твоём покойном брате Руслане. Думаешь, Жеффри Пепштейн — мое настоящее имя? Для этого прогнившего мира элиты мне пришлось придумать легенду. Но в таборе меня звали по-другому — Джело Баро. Я ушел из табора ради богатства и вечной жизни. Так что ты мой сын, Лачо... Ты наследник самой могущественной ветви нашего рода.

Мир вокруг следователя-цыгана на мгновение замер. Человек, лишивший жизни его брата, оказался его собственным отцом. Кровная месть принимала самый жуткий и противо-

естественный оборот. Семейный перстень с сердоликом на пальце Лачо внезапно запульсировал яростным, почти гипнотическим теплом, транслируя древний зов темной родовой магии Баро. Лачо почувствовал, как его сознание затуманивается, а привычные понятия о законе и справедливости начинают казаться мелкими и ничтожными перед лицом векового могущества его крови.

— Этого не может быть! — Лачо Баро резко поднялся с кресла, его голос дрожал от сложнейшей внутренней борьбы, где долг следователя отчаянно сражался с проснувшейся магией предков. — Посмотри на меня, я чистокровный цыган! А ты лишь бледный монстр, торгующий фиолетовым ядом!

Пока в кабинете рушился весь мир Лачо, внизу ситуация кардинально изменилась. Древние практики не подвели карельского мастера. У Знахаря получилось полностью слизать всё детское масло с пола! Его язык двигался с невероятной, сверхъестественной скоростью. Очистив паркет, Знахарь с громким кличем поднялся на ноги. Его глаза светились первобытной энергией.

Пол больше не был скользким, и герои наконец-то смогли дать яростный бой зомби-нацистам. Развернулось ожесточенное сражение. Юркий Янош на бешеной скорости проносился между мертвецами, ловко вытаскивая у них из-за пазухи чеки от гранат и магазины от автоматов, подрывая врагов их же оружием. Тризубина продолжала монотонно зачитывать акты об отмене, и под воздействием её леденящего бюрократического голоса зомби-нацисты буквально цепенели, теряя волю к сопротивлению. А по центру крушил врагов обретший суперсилу Знахарь, раскидывая нежить десятками. Зомби яростно огрызались, размахивая когтями и пытаясь задавить героев числом, но слаженная работа четверки позволила им прорвать кольцо окружения.

Путь к кабинету Пепштейна был практически расчищен. Семейная драма цыганского следователя выходила на финальную прямую.

Джелло Баро, видя сомнения сына и то, как магия перстня берет над ним верх, подошел ближе и положил свою тяжелую руку ему на плечо.

— Мы можем править этим городом вместе, сын мой. Вся элита, все наркопотоки «Пыльцы фей» будут у наших ног. Позволь древней крови Баро вести тебя.

Лачо молча слушал его предложение, чувствуя, как семейный перстень окончательно подчиняет его волю. В этот самый момент двери кабинета с грохотом разлетелись в щепки. В помещение ворвались герои: покрытый силой священного масла Знахарь, юркий Янош с боевым ножом и Тризубина, сжимающая в руке бланк окончательной отмены. Они были готовы разорвать Джелло на куски.

Но к их полному изумлению, Лачо поднял руку и попросил их остановиться. На его лице больше не было сомнений — глаза цвета крепкого чая потемнели, полностью подчинившись родовому зову.

— Назад, — холодно произнес следователь. — Я принимаю предложение Джелло. Кровь зовет своего наследника. Закон больше ничего не значит.

Герои замерли в шоке. Джелло-Пепштейн победно усмехнулся, но его глаза сузились:

— Отличный выбор, сын мой. Но чтобы закрепить наш союз, тебе необходимо убрать свидетелей. Они знают слишком много.

Лачо посмотрел на своих бывших товарищей, а затем перевел взгляд на отца:

— Зачем марать руки? Им все равно никто не поверит. Сумасшедший знахарь, карманник и бледная баба, которая говорит об отменах — в прокуратуре их примут за безумцев. Давай отпустим их, но перед этим обильно намажем детским маслом. У нас в запасе еще полно нераспечатанных чанов и бутылок. Пусть на всю жизнь запомнят этот остров.

Джелло оценил жестокую иронию сына и кивнул. Под дулами автоматов охраны, имеющей иммунитет, героев до ног облили свежими запасами скользкого детского масла. Кое-как

удерживая равновесие, Знахарь, Янош и Тризубина добрались до пирса, сели в свой ржавый таборный катер и уплыли с острова прочь в предрассветный туман. А Лачо Баро остался с Джело, делая первый шаг на темную сторону семейного бизнеса.

Но цыганский следователь оказался прав: на материке их рассказы слушать никто не стал. Прямо у причала, едва катер пришвартовался, по наводке Пепштейна героев уже ждали санитары. Облитых маслом, бредящих о зомби-нацистах и «Пыльце фей» друзей забрали в ту же самую психиатрическую больницу, в которой уже лежал Бесон.

Теперь все четверо — Тризубина, Янош, Знахарь и Бесон — оказались в одной палате. Бесон, лениво попивая безалкогольное пиво, выданное врачами, смотрел на скользких, покрытых маслом товарищей и недовольно ворчал:

— Ну и ну... И ради этого вы меня снотворным накачали? Я же говорил — лучше полежать и попить пивка. А вы теперь со мной куковать будете.

Над городом вставало новое солнце, и теневая власть в нем теперь полностью принадлежала дуэту Баро и Пепштейна.

2. Аномальный хайп

Марк переехал в эту квартиру всего неделю назад. Дом стоял на самой окраине города, среди таких же серых многоэтажек, гаражей и покосившихся хозяйственных построек. В подъезде постоянно пахло сыростью, лестничные пролёты освещали тусклые лампы, а скрипучий паркет в квартире словно специально напоминал о каждом сделанном шаге. Зато цена была настолько соблазнительной, что Марк решил не задавать лишних вопросов.

Ему было двадцать два года, и за плечами у него имелась вполне убедительная карьера профессионального актёра-неудачника. Он успел сняться в нескольких эпизодах, сыграть пару второстепенных ролей и провести бесчисленное количество прослушиваний, после которых ему неизменно обещали перезвонить, но не перезванивали. Поэтому дешёвая квартира казалась достойным временным убежищем.

Первые несколько дней всё было спокойно. Странности начались три ночи назад. Ровно в 3:14 Марк внезапно проснулся от ощущения, что кто-то смотрит на него. Он открыл глаза — комната была погружена в темноту. Он повернул голову к окну. Квартира находилась на восьмом этаже, поэтому увидеть там кого-либо было невозможно, но за стеклом кто-то стоял.

Бледный силуэт плотно прижался лицом к оконной раме. Существо обладало неестественно широкой неподвижной улыбкой и длинными руками, заканчивающимися тонкими костлявыми пальцами. Оно смотрело прямо на Марка. Какое-то время молодой человек не двигался, потом зажмурился:

— Сонный паралич... — прошептал он, досчитал до десяти и открыл глаза.

За окном была только чёрная ночь. Марк облегчённо выдохнул, отвернулся от стекла и решил больше об этом не думать.

Сегодня история повторилась. Марк снова проснулся ровно в 3:14. На этот раз за окном никого не было, но, собираясь перевернуться на другой бок, он случайно посмотрел на зеркальный шкаф-купе напротив кровати. В отражении комната выглядела совершенно нормально: кровать, тумбочка, окно, тёмный коридор... и прямо за его спиной сидело то самое существо. Оно находилось на кровати, наклоняясь к его уху. В реальности Марк чувствовал только ледяной холод позади спины.

Ужас сковал его, но инстинкт самосохранения оказался сильнее. Марк резко вскочил, выскочил в коридор, добежал до входной двери, судорожно повернул внутренний замок и вывалился на лестничную клетку. Дверь почти захлопнулась, но старая, разболтанная защёлка вообще не удержала полотно в проёме — она осталась приоткрытой, держась на честном слове.

Он тяжело дышал, сердце колотилось где-то в горле. В подъезде стояла мёртвая тишина, единственная лампочка тускло мигала. Марк прижался спиной к холодной стене. На нём не было ни одежды, ни обуви, ни даже телефона — ключи тоже остались внутри.

Через минуту первый приступ паники начал отступать. Марк посмотрел на себя: он стоял босиком, в одних трусах, посреди холодного подъезда глубокой ночью.

— Отлично, — пробормотал он. — Просто великолепно.

В этот момент сверху донёсся звук. Кто-то шёл по бетонным ступеням вниз, босыми ногами, с девятого этажа. Марк поднял голову. Лампочка над ним моргнула и потухла — всё исчезло во тьме. Затем свет снова включился, и из-за лестничного пролёта показалась длинная бледная рука. Он сразу узнал её по отражению в зеркале.

Марк замер, а потом в нём неожиданно что-то включилось. За этот год он настолько устал от постоянного страха перед неопределённостью, отказами на кастингах и безденежьем, что паника просто исчерпалась. Бегать по ночному городу босиком в одних трусах было ещё более сомнительной перспективой, чем встреча с чудовищем. Терять ему было уже особо нечего, и он сделал шаг вперёд.

Из темноты показалось всё существо целиком. Оно было огромным: трёхметровый бледный гигант смотрел на Марка двумя чёрными провалами вместо глаз. Марк протянул руку. Костлявые пальцы сомкнулись вокруг его ладони — прикосновение оказалось ледяным. Марк содрогнулся, но не отступил.

— Привет, — хриплым, но удивительно твёрдым голосом произнёс он.

Существо застыло. Похоже, за века своего существования оно привыкло к крикам, слезам и паническому бегству, но никак не к обычной человеческой вежливости. Из темноты донёсся тихий свистящий шёпот, и длинная рука потянула Марка вверх, будто приглашая на девятый этаж. Марк посмотрел туда, потом на ночного гостя и вдруг сказал:

— Подожди, пиво возьму из холодильника.

Незнакомец застыл окончательно, чёрные глазницы будто округлились. Марк развернулся, толкнул плечом незапертую входную дверь, которая легко поддалась, и быстро зашёл внутрь. На кухне он открыл холодильник, и его тёплый жёлтый свет осветил помещение. Марк достал две холодные банки лагера, но потом всё-таки решил взять третью, на всякий случай.

Когда он вернулся на лестничную клетку, существо всё ещё ждало, сидя на ступеньках и поджав длинные бледные колени к подбородку. Марк протянул гостю банку. Тот осторожно взял её двумя пальцами. Пока хозяин открывал свою, Существо внимательно изучило алюминий, проткнул его когтем и припал к отверстию.

Марк сделал внушительный глоток, прислонился к перилам и сказал:

— Слушай... А ты ведь не монстр, ну, то есть... выглядишь ты, конечно, жутковато. Бледное, стрёмное создание. Тут уж извини, как есть. Но вот настоящие монстры — это люди.

Длинные уши существа слегка приподнялись. Марк продолжил:

— Сдают квартиры со скрытыми дефектами. Повышают коммуналку без предупреждения. Включают перфоратор в семь утра в субботу. Предают тех, кто им верил. Вот где настоящий кошмар. А ты просто сосед по экосистеме.

Из пасти донёсся тихий гортанный звук. Похоже, оно согласилось.

Вскоре они сидели на ступеньках уже совершенно спокойно. Марк курил, его сосед молча допивал лагерь. Оказалось, что монстру тоже было нелегко жить в современном мире. Пугать людей стало гораздо сложнее, все постоянно смотрели в телефоны. А цены на отопление в подвалах одинаково ужасали и людей, и представителей нечеловеческих видов.

Они просидели на лестнице до самого рассвета. Когда первые лучи солнца пробились сквозь грязное окно подъезда, существо поставило пустую банку на пол, вытянуло длинный костлявый палец и нацарапало прямо на краске пять букв: Х М Ы Р Ь.

Марк прочитал:

— Хмырь? Отличное имя. Лаконично. — Он допил своё пиво. — Слушай, Хмырь, раз уж мы нашли общий язык, есть одно деловое предложение. Там живёт баба Нюра — главный монстр этого подъезда. Она вчера вызвала полицию, потому что я «слишком громко дышал в коридоре». А ещё она подкармливает голубей на моём подоконнике.

В чёрных глазницах Хмыря вспыхнул настоящий интерес. Марк усмехнулся:

— Пойдём немного проучим бабку.

Хмырь поднялся во весь свой трёхметровый рост, суставы тихо хрустнули. Через минуту они стояли перед нужной квартирой. Хмырь аккуратно прижался лицом к глазку. Марк со всей силы забарабанил кулаком по двери и тут же отскочил за угол.

Из квартиры донеслось сердитое шарканье тапочек.

— Кого там черти принесли в такую рань?! — раздался резкий голос.

Баба Нюра посмотрела в глазок.

— Ну и чего вы...

Она замерла. По ту сторону стекла на неё смотрели два огромных чёрных провала. Хмырь молча улыбался. Раздался тонкий старушечий вопль, а затем — глухой удар. Тело рухнуло на пол.

На лестничной клетке наступила тишина. Через секунду Хмырь обернулся, его плечи начали трястись от беззвучного смеха. Марк поднял большой палец — с этого утра в подъезде началась новая эпоха.

С этого момента жизнь Марка изменилась окончательно. Хмырь поселился у него. Через некоторое время Марк выделил новому другу просторную заброшенную вентиляционную камеру, которая примыкала прямо к кладовке. Туда был куплен огромный ортопедический матрас. Причина была весьма прозаической: от долгого сидения в узких трубах у Хмыря начала сильно болеть поясница.

Запасы лагеря в холодильнике пополнялись регулярно. В ответ необычный постоялец превратился в идеального сожителя. Он не шумел и никогда не жаловался. Хмырь вообще оказался удивительно деликатным: несмотря на свои пугающие размеры, он старался двигаться бесшумно, искренне ценил покой и платил Марку за гостеприимство тихой преданностью. И довольно быстро взял на себя функцию коллектора.

Баба Нюра после того памятного утра полностью пересмотрела свои жизненные приоритеты. Она больше не вызывала полицию, а при встрече с Марком в подъезде вежливо кланялась и крестилась. Голуби на подоконнике тоже исчезли — Хмырь просто выглянул из окна, погрозил им пальцем, и птицы больше не возвращались.

Но настоящая слава пришла к ним тогда, когда в подъезд забрели двое местных грабителей. Они вскрыли замок квартиры Марка, будучи абсолютно уверенными, что дома никого нет. Первый зашёл в коридор. Второй прикрыл дверь. Из кладовки донёсся тихий скрип. Один из грабителей повернул голову.

Дверь технической ниши открылась, и оттуда выполз бледный гигант. Хмырь включил настенную лампу, она несколько раз мигнула. Гигант наклонил голову, бледные руки потянулись вперёд.

— Привет, — произнёс он.

Голос он специально скопировал у Марка. Грабители застыли, через секунду бросили отмычки, а через пять минут добровольно явились в ближайшее отделение полиции. Они требовали посадить их в «самую безопасную и светлую камеру».

С тех пор в доме царил идеальный порядок. Даже старшая по подъезду всерьёз начала задумываться, нельзя ли официально оформить Хмыря ночным сторожем. Проблема возникла только одна: у существа не было трудовой книжки.

Вечерами Марк и Хмырь по-прежнему сидели на кухне. Хмырь листал социальные сети своими длинными пальцами, Марк смотрел телевизор. Однажды, когда вторая упаковка лагеря уже подходила к концу, Марк перевёл взгляд на своего друга. Тот увлечённо пытался отскрести ногтем наклейку с банки.

— Слушай, Хмырьч... Мы с тобой уже столько времени живём. Пиво пьём. Воров гоняем. Но я ведь о тебе вообще ничего не знаю. Ты кто вообще? Ну, биологически. У тебя есть семья? Родители? Братья? Не мог же ты просто завестись в бетонных перекрытиях, как плесень.

Хмырь отложил банку, его вечная улыбка впервые слегка дрогнула. Он издал длинный тоскливый вздох, похожий на гул ветра в пустой трубе, взял смартфон Марка, открыл закладки и начал писать. На экране появлялся текст:

«Я не помню всё. Помню старый лес. Мой вид звать Стриги. Мы жить в темнота. Семья... была. Мама, папа, младший брат Боря. Но когда лес рубить, все бежать. Я потеряться. Думать, они уйти в другой область, где есть дремучий чаща».

Марк медленно прочитал всё до конца, и впервые ему стало по-настоящему жалко Хмыря. Он поднялся:

— Подожди. Если ваш вид называется Стриги, интернет должен что-нибудь знать. Мы живём в современном мире, здесь есть спутники, базы данных, форумы, нейросети.

Они сели у компьютера. Марк начал искать: «Существа Стриги» — ничего; «Бледные трёхметровые люди в лесах» — почти ничего. Прошёл час, за ним второй. Хмырь нервно хрустел пальцами.

Марк листал архивные форумы и читал вслух найденные крупницы информации. Оказалось, стриги веками жили в этих краях, обладая способностью бесшумно передвигаться по любым вертикальным поверхностям, но цивилизация вытеснила их в вентиляционные пустоты. В дикой природе их рацион составляли исключительно мелкая живность, корни и лесные ягоды. На людей они никогда не охотились, предпочитая оставаться незаметными, но были способны яростно защищаться, если их загоняли в угол.

Наконец Марк наткнулся на заброшенную страницу исследователей аномалий. В глубине сайта находился скан статьи из старой газеты. Заголовок читался чётко: «Жители деревни под Чернореченском заявляют о бледных гигантах, крадущих картошку и пугающих скот». Фотография была мутной: туман, кусты, а из-за них торчала длинная бледная рука, но из-за них торчала длинная бледная рука. На ней отчётливо выделялся костяной нарост на запястье, похожий на закрученный древесный сучок.

Хмырь увидел снимок, его палец замер над экраном, а через секунду раздался такой радостный писк, что Марк чуть не уронил кружку. Хмырь ткнул когтем прямо в этот запоминающийся сучок на коже — он безошибочно узнал руку своей матери.

— Это они? — Хмырь начал так энергично кивать, что шея едва выдерживала. Марк улыбнулся: — Ну всё, найдём твою семью.

Марк рассуждал как прагматичный актёр: отправляться в глухие Чернореченские леса вдвоём наобум — затея глупая и дорогая. Но если раздуть из этого масштабный медийный кейс, можно задействовать ресурсы федерального канала, бесплатно получить съёмочную группу для поисков и заодно реанимировать свою заглохшую карьеру. Через неделю редакция самого скандального ток-шоу страны уже получила историю о молодом человеке, который живёт со странным существом. Название выпуска придумали почти сразу: «Бледные узы: найди меня, брат».

Марк приехал в студию в своём лучшем костюме. На диване напротив сидели Феликс Трофимов и Наталья Бледнова. Трофимов устало протёр очки:

— Итак, Марк, вы утверждаете, что живёте с трёхметровым существом, которое пьёт лагер и пугает пожилых людей?

— Да, всё так.

Трофимов вздохнул:

— Вы в своём уме?

Марк пожал плечами:

— Вроде да.

Бледнова повернулась к нему:

— И вы действительно считаете, что ваш сожитель лишился лесного крова из-за вырубki?

— Именно.

Марк подробно рассказал о своём друге, о лесе и о старой статье. Трофимов наконец спросил:

— Хорошо, и где же этот ваш Хмырь?

— Он здесь, в телецентре, — спокойно ответил Марк. — Включайте экран.

На огромном мониторе появилось изображение, записанное накануне. Хмырь сидел в комнате в огромной семейной тельняшке. Он помахал в камеру рукой, его улыбка выглядела жутко, но искренне. В руках у него был планшет с надписью: «Мама, папа, Боря, если вы видите это — я живой. Живу у Марка. Тут тепло, есть пиво и пицца. Скучаю».

В студии повисла пауза. Трофимов посмотрел на экран, а затем на его лице появилось хитрое выражение шоумена. Узнав о жалобах соседки, ведущий задумал устроить публичное разоблачение ради рейтингов:

— Ну что же, Марк. Невероятная история. Но у нас в студии есть другие люди, которые утверждают, что они — настоящая семья вашего друга! На сцену!

Музыка ударила с новой силой, повалил густой дым. Из-за кулис вышли три обычных актёра-аниматора, грубо загримированных дешёвой серой краской, в нелепых ростовых костюмах: уши из поролона, улыбки нарисованы чёрным маркером. Одна женщина картинно бросилась к Марку:

— Сыночка-а-а! Хмырыч нашёлся!

Мужчина рядом с ней вытянул руки:

— Кровь от крови моей!

На его пальце прямо в этот момент отклеивался бутафорский бледный ноготь. Трофимов посмотрел на Марка с выражением триумфатора:

— Ну что? Вот ваша «семья». Ваша соседка Анна Юрьевна уверена, что вы притащили в дом собутыльника из цирка. Признавайтесь, это ведь фарс?

— Это не они, — спокойно ответил Марк.

На втором экране появилась баба Нюра, она сидела в другой студии перед микрофоном:

— Да они наркоманы оба! Никакой он не монстр! Я требую выселения!

В студии начался гвалт, аниматорша лезла обнимать Марка, зрители смеялись, Бледнова пыталась всех перекричать. Марк же оставался на удивление невозмутимым. Его актёрское самолюбие было задето этим дешёвым розыгрышем. Он достал телефон, нажал кнопку вызова и громко произнёс в динамик:

— Хмырь, заходи. Время шоу.

Тяжёлые металлические двери в конце павильона распахнулись, и в зал вошёл Хмырь. Настоящий, трёхметровый, абсолютно бледный и одетый в гигантскую тельняшку. Он пригнулся, чтобы не снести верхнюю балку, и шагнул под свет софитов, отчего лампы над головой начали судорожно мигать.

Хмырь осмотрел побледневших ведущих и трёх фальшивых родственников, а затем перевёл взгляд на большой экран, где баба Нюра в прямом эфире от ужаса уже беззвучно открывала рот. Повисла пауза. Хмырь повернулся к первому аниматору, тот испуганно отступил назад, серый поролоновый палец отвалился от его костюма.

Раздался тихий щелчок челюсти — пасть раскрылась намного шире, чем позволяла человеческая анатомия. Хмыря дико взбесили поролоновые чучела, пародирующие его расу. Он мгновенно схватил аниматора за верхнюю часть бутафорского наряда.

Студию пронзил крик. Хмырь начал яростно жевать огромный ростовой костюм прямо на глазах у зрителей. Серый поролон и скрытый внутри каркас с треском хрустели у него на зубах, словно чипсы. Аниматор, выскользнув из разодранного комбинезона, в ужасе удрал за кулисы в одном нижнем белье.

Кто-то из зрителей бросился к выходу, Бледнова скрылась в подсобке, а Трофимов просто замер в кресле. Баба Нюра на экране потеряла сознание.

Марк остался сидеть на диване. Он достал из кармана банку лагеря, с характерным «пшиком» открыл её, сделал глоток и иронично крикнул оцепенелому Трофимову:

— Ну а что вы хотели, Феликс? Я же говорил — парень изголодался по семье!

Хмырь потянулся ко второму аниматору, чья фальшивая ушастая голова была густо залита едким пигментом. Марк вовремя поднял палец:

— Хмырыч, правого не ешь, у него краска токсичная, из строительного магазина.

Хмырь внимательно принялся к поролону, брезгливо фыркнул и действительно выплюнул недожёванный кусок бутафории. Марк удовлетворённо кивнул. В этот момент снаряды завывали сирены, в павильоне началась паника. Они воспользовались суматохой и спокойно вышли через чёрный ход. Хмырь аккуратно посадил Марка к себе на плечо, чтобы тот не испачкал концертные туфли в московской слякоти.

На разгрузочной рампе как раз стоял съёмочный фургон телеканала — огромный брендированный автомобиль, ключи торчали в зажигании. Внутри уже стояли ящики фирменного лагеря — запас для рекламной интеграции. Марк и Хмырь просто прыгнули в салон и рванули на север. На первой же заправке Марк ловко скрутил номера, и они ушли по глухим просёлочным дорогам в сторону Чернореченских лесов.

Через несколько дней разбитые дороги окончательно закончились, начался глухой, нетронутый лес. Густые старые сосны тянулись в туманное небо, под ногами пружинил мягкий мох. Здесь не было телестудий, ведущих, полиции, баб Нюр и необходимости объяснять кому-либо, почему твой сосед имеет три метра роста. Марк остановил машину. Хмырь вышел наружу и на открытом пространстве впервые за долгое время смог выпрямиться во весь рост. Он посмотрел на верхушки деревьев, потом на Марка — на его лице по-прежнему застыла жуткая улыбка, но теперь она выглядела почти счастливой.

Марк, привыкший к походным условиям со времён студенческих съёмок, быстро взялся за работу. За несколько часов он соорудил крепкий шалаш из лапника, сделал кострище и обустроил место для хранения припасов. Особое внимание он уделил пиву: ящики из фургона заняли отдельный прохладный участок под тенью раскидистой ели. Всё было готово к долгой автономной жизни.

Хмырь одобрительно кивнул. Наступила глубокая ночь, Марк открыл очередную банку лагеря и посмотрел на лениво трещащий костёр. Несколько секунд лес был совершенно тих, а потом из глубины чащи донёсся отчётливый шорох. Хмырь медленно поднял голову.

Между деревьями появились безмолвные бледные фигуры. Они передвигались легко и плавно. Хмырь не выдержал и рванулся вперёд. Первая фигура вышла на свет костра, и Марк сразу узнал тот самый костяной нарост на запястье бледной руки, похожий на закрученный сучок, который видел на архивном снимке. Это были они, настоящие Стриги.

Хмырь бросился к ним, его огромные руки встретились с руками матери. Существо, которое ещё недавно ютилось в тесной городской вентиляции, теперь стояло среди своих — его окружили отец и младший брат Боря. Жизнь в бетонных стенах осталась позади, теперь он был дома.

Марк молча наблюдал за ними со своего бревна у костра. Он коротко, но искренне улыбнулся и легонько салютовал Хмырю открытой жестянкой — Пусть всё пошло не по плану, Хмырь наконец обрёл семью, и долговязый сожитель наконец обрёл покой. Хмырь тем временем что-то быстро и шипяще говорил своей семье, они с тихим свистом отвечали ему.

Марк перевёл взгляд на ящики со спонсорским пивом, а затем протянул одну банку вышедшему вперёд гигантскому вожаку семейства:

— Привет! Ну что, Стриги, пиво будете?

В лесу повисла тишина. Затем из чащи донёсся дружный, одобрительный свистящий шёпот. Хмырь радостно защёлкал суставами. Марк весело рассмеялся и поставил банку на траву. Полночный лагерь постепенно наполнился странными, но уютными звуками: треском костра, свистящими голосами Стригов и громким, дружным «пшиком» очередных открываемых банок. Впервые за долгое время всё в жизни Марка казалось абсолютно правильным.

Для обывателей эта история могла бы выглядеть как кошмар, но Марк знал: самый страшный монстр часто оказывается просто одиноким соседом по экосистеме, которому чертовски не с кем было выпить пива.

3. Лесное эхо

Музыка в салоне играла чуть громче, чем следовало, но Артур не убавлял звук — Лена улыбалась, подперев щеку ладонью и глядя на мелькающие за окном тёмные силуэты деревьев. На заднем сиденье тихо шуршала упаковочная бумага: Артур умудрился спрятать там подозрительно огромную коробку с подарком. Он завернул её так, чтобы Лена ни за что не догадалась, зачем для стандартного бытового прибора потребовалась тара размером с хороший телевизор. Сегодня ей исполнялось двадцать пять. План был идеальным: уютный загородный домик, камин, вино и никаких звонков по работе.

— Артур, а мы не пропустили указатель? — Лена слегка повернула голову, всматриваясь в сплошную стену леса, к которой вплотную подступал асфальт. — Навигатор уже минуты три пытается перестроить маршрут, но связь здесь совсем слабая.

Артур бросил быстрый взгляд на экран телефона, прикрепленного к панели. Красная стрелка беспомощно крутилась на сером фоне, где вместо названий дорог зияла пустота.

— Да нет, дорогая, тут одна прямая, — уверенно отозвался он, хотя внутри кольнуло лёгкое сомнение. Деревья вокруг казались слишком старыми, их ветви переплетались над дорогой, образуя тёмный тоннель. Свет фар едва пробивал эту плотную темноту. — Сейчас доедем до развилки и повернём к озеру.

Спустя километр асфальт под колёсами сменился старой, разбитой грунтовкой, поросшей травой. Музыка внезапно оборвалась, сменившись глухим шипением радиоволн.

— Артур, стой, мы точно пропустили поворот. — В голосе Лены проскользнула тревога. — Давай развернёмся. Этот лес... он какой-то неправильный.

Она не успела договорить. В ту же секунду раздался резкий скрежет, переросший в двойной металлический удар, от которого машину ощутимо подбросило. Руль рвануло из рук Артура. Послышался свист выходящего воздуха. Автомобиль резко накренило вправо, а затем по инерции качнуло обратно.

Машина проехала ещё несколько метров и замерла, уткнувшись бампером в густые заросли папоротника. В салоне воцарилась звенящая тишина. Даже приборная панель на мгновение мигнула и погасла, оставив их в тусклом свете аварийных огней.

— Ты цела? — Артур тяжело дышал, его пальцы судорожно сжимали рулевое колесо.

— Да... кажется. — Лена прижала ладонь к груди, пытаясь унять бешено колотящееся сердце. — Что это было? Камень?

— Не знаю. Посиди внутри, я посмотрю.

Артур толкнул тяжёлую дверь. Холодный воздух сразу ударил ему в лицо — он был неестественно пронизывающим для начала осени. В густом тумане отчетливо пахло гнилой листвой и чем-то острым, напоминающим озон. Мужчина включил фонарик на телефоне и обошёл машину.

Свет луча выхватил из темноты осевшую резину. Обе правые покрышки оказались разорваны глубокими, ровными продольными полосами, словно кто-то намеренно разложил на дороге острые металлические штыри.

Артур поднял фонарик выше, всматриваясь в чащу леса. Деревья стояли неподвижно, не шелестел ни один лист, но у него появилось чёткое ощущение: за ними наблюдают.

Луч фонарика дрожал, выхватывая из темноты приближающийся силуэт. Существо было огромным, под два метра ростом, а его очертания в полумраке казались ломаными. Но по-настоящему Артур испугался, когда свет упал на голову незнакомца. Лицо было неестественно перекошено: плоский, смещённый набок нос, практически отсутствующие мочки ушей и шрамы, из-за которых улыбка выглядела как злобещий оскал.

— Артур, закрой дверь! Быстро! — истошно закричала Лена.

Артур запрыгнул в салон, с силой захлопнул дверь и вдавил кнопку центрального замка. На лбу у него выступил холодный пот. Они с Леной сжались на сиденьях, боясь даже дышать.

Высокая тень вплотную приблизилась к заблокированной машине. Послышался глухой, размеренный стук в боковое стекло. Артур зажмурился.

— Леее, — раздался из-за стекла густой, басовитый, но на удивление совершенно спокойный человеческий голос с характерным акцентом. — Вы чё, испугались, жи есть? Меня Ахмед зовут.

Артур приоткрыл один глаз. Гигант за окном активно жестикулировал, показывая на свои поломанные уши.

— На внешность внимание не обращайте, я борец, на борьбе лицо стёр! На ковре суп варили, как говорится, со всеми бывает. У меня тут шиномонтажка в лесу, буквально за поворотом. Машину оттолкаем вместе, сделаю вам колёса, недорого возьму, чисто по-братски!

Лена медленно перевела взгляд с Ахмеда на Артура. Она шумно разжала пальцы, и на её лице отразилось полнейшее замешательство.

— Он... он сказал «шиномонтажка»? — шёпотом переспросила она. — В глухом лесу?

Артур сглотнул вставший в горле ком. Выбора особо не было. Он аккуратно, на пару сантиметров, опустил стекло. От стоявшего рядом Ахмеда в салон тут же донёлся густой запах дешёвого освежителя «Новая машина» и крепкого чая.

— Ахмед, доброй ночи... — осторожно начал Артур. — А вы... точно колёса делаете? Просто у нас оба правых в хлам. Там на дороге как будто проволока острая или штыри.

— Эээ, какая проволока, брат? — Ахмед замахал руками и сокрушённо покачал головой. — Это призраки детей-пионеров из заброшенного лагеря «Лесное эхо» тут балуются, жи есть! Каждую ночь выходят, проволоку натягивают, хулиганят, короче. Мелкие чертята, никакого уважения к старшим!

При упоминании названия лагеря Ахмед вдруг замолчал и угрюмо отвёл взгляд в сторону леса:

— Давно я знаю это проклятое место... Ну ничего, не обращай внимания, я их сам гоняю, когда борцовский тренажёр в лесу ищу.

Артур и Лена молча переглянулись. Градус абсурда зашкаливал, но стоять посреди тёмного леса рядом с побитой машиной хотелось ещё меньше, чем довериться борцу-шиномонтажнику.

— Выходите из коробки своей, чё вы там сидите? — Он широко улыбнулся и отошёл к заднему бамперу. — Давай, брат, хватай за руль, девчонку вперёд посади. Я сзади подтолкну, тут ходу пять минут!

Артур несколько секунд колебался, глядя на великана.

Лена первой нарушила молчание:

— Артур, а у нас вообще есть варианты?

Он посмотрел на разбитые колёса. Потом на густой лес. Затем снова на Ахмеда.

— Похоже, нет.

Артур вышел из машины и открыл водительскую дверь:

— Лена, садись за руль.

— Я?

— А кто ещё?

— Ты же говорил, что я плохо вожу.

— Сейчас не время вспоминать старые конфликты.

Лена недовольно посмотрела на него, но всё-таки села за руль. Ахмед тем временем обошёл автомобиль сзади, упёрся обеими руками в багажник и легко наклонился вперёд.

— Давай, брат!

— На счёт три? - уточнил Артур

— На счёт два, — спокойно ответил Ахмед.

— Почему два?

— На раз уже толкать начинаю.

Артур даже не успел возразить. Ахмед с силой толкнул машину. Разорванная резина обнажила металл, и голые диски со скрежетом начали чертить по каменистому грунту. Артур зажмурился, мысленно прощаясь с дорогой подвеской, но автомобиль под воздействием сверхчеловеческой силы великана неожиданно легко покатился вперёд.

— Лееее! — довольно крикнул Ахмед. — Видишь, брат? Физика работает!

Лена высунулась из окна:

— А если мы сейчас в дерево въедем?

— Тогда дерево отвечает за свои действия! — крикнул Ахмед.

Артур впервые за весь вечер позволил себе усмехнуться. Машина медленно двигалась по разбитой дороге. Фары освещали мокрую траву и корни деревьев, а туман становился всё плотнее.

Спустя несколько минут сквозь чащу проступил свет. Вскоре они увидели небольшое металлическое здание, стоявшее прямо среди деревьев. Рядом возвышалась старая вывеска, на которой крупными буквами было написано: «ШИНОМОНТАЖ. АХМЕД. КРУГЛОСУ-ТОЧНО». Под названием красовалась приписка, сделанная от руки: «ЧИСТО ПО-БРАТСКИ».

К их удивлению, внутри действительно оказался настоящий шиномонтаж с чистым оборудованием. У стены стоял немецкий станок Hofmann, рядом висели инструменты, компрессор, домкрат и целая полка с автомобильными покрышками. Всё выглядело настолько обыденно, что странность происходящего от этого становилась ещё сильнее.

Ахмед подкатил к машине домкрат:

— Садитесь чай пить. Колёса сами себя не поменяют.

Через несколько минут перед Артуром и Леной стояли две кружки крепкого чая. Ахмед тем временем ловко снял повреждённое колесо и принялся за работу. Лена грела руки о тёплую кружку и наблюдала за ним.

— Ахмед, — осторожно начала она. — А что случилось с теми детьми? Ну, с пионерами из лагеря?

Ахмед на секунду замер, держа в руках покрышку, вздохнул и сокрушённо покачал головой:

— Эээ, сестра, грустная история, жи есть. Родители им посылку прислали в лагерь. А там — сгущёнка просроченная и сухарики со вкусом краба. Мелкие чертята ночью под одеялом всё это съели, животы заболели, откачать не успели. Теперь вот ходят по лесу, хулиганят, злые на весь мир, что до дискотеки не дожили.

В этот момент в глубине бокса, за дальними стеллажами с шинами, с треском погас свет. Единственным источником освещения остались тусклые габариты машины. В воцарившейся полутьме внезапно раздался звонкий, эхом отдающийся детский смех.

— По-иг-ра-е-те с на-а-ми... — донёсся из тёмного угла неестественно растянутый шепот нескольких голосов.

Артур резко поднялся со стула, загородив собой Лену.

Ахмед ничуть не удивился. Он не суетясь протянул руку к верстаку и взял гаечный ключ, который едва помещался в его огромной ладони. Инструмент глухо звякнул.

— Не бойтесь, жи есть! — басом бросил великан, заметив панику ребят. — Они бесплотные, сквозь стены ходят, но калёного, закалённого железа боятся как огня! Оно их силу ломает! Брат, хватай девчонку и отойди к машине! Прикрывай её!

Артур резко схватил Лену за руку, увлекая за собой к капоту автомобиля. Его сердце бешено колотилось: прямо из металлических стен бокса и сквозь щели в потолке начали просачиваться полупрозрачные, светящиеся бледным зелёным светом силуэты. Это были дети в

старых пионерских галстуках и шортах, но их взгляды были искажены злобой, а пальцы заканчивались длинными костлявыми когтями.

— Дядя Ахме-е-ед, давай в догонялки-и-и... — хором завывали призраки, бросаясь на великана со всех сторон.

— Я вам сейчас устрою догонялки, жи есть! — взревел Ахмед.

Он крутился посреди бокса, с невероятной для его комплекции скоростью размахивая своим куском закалённой стали. Каждое точное попадание инструмента по бесплотным духам сопровождалось громким звоном и яркими искрами — призраки шипели и отлетали назад, теряя свечение. Призрак пионервожатого попытался прыгнуть на борца с потолка, но Ахмед поймал его на прогиб, впечатав сквозь бетонный пол обратно в преисподнюю. Мелкие чертята царапали его спецовку, хватали за ноги, но кавказский дух Ахмеда был крепче любого проклятия. Он разметал их ряды, тяжело дыша и выкрикивая борцовские термины.

Артур и Лена, заметив, как бледный пионер после случайного удара отлетевшим от верстака железным болтом с писком испарился, мгновенно осознали: железо действительно работает. Страх улетучился, уступив место чистой адреналиновой ярости. Артур перехватил валявшуюся рядом монтировку, а Лена схватила со стола банку с тяжёлыми болтами. Теперь они были готовы драться.

Наконец, получив мощный отпор, выжившие духи с писком втянулись обратно в щели и растворились в темноте леса. В боксе снова замигал свет. Наступила тишина.

Ахмед вытер пот со лба рукавом и повернулся к героям.

— Уф, замучили они меня, жи есть, — выдохнул он. — Каждую ночь так приходят. Слушай, Артур, слушай, сестра. Вы люди смелые, я вижу. Помогите мне избавиться от этих призраков в лесу раз и навсегда? Они мне весь бизнес ломают! Клиенты из-за них заезжать боятся, кабаны вон связь оборвали. Один я в их лагерь пойти не могу — пока я с их главным вожатым на ковре кувыркаюсь, мелкая толпа меня просто числом задавит. А втроём мы их раскидаем!

Артур переглянулся с Леной. Колёса ещё не до конца поменяны, ехать на разбитых дисках некуда, а великан прямо сейчас выглядел как единственный гарант их безопасности.

— И что нужно делать? — спросил Артур.

— Надо идти прямо к ним в логово. В заброшенный детский лагерь «Лесное эхо», — решительно ответил Ахмед, закидывая инструмент на плечо. — Там их главный очаг, где они этой сгущёнки несвежей наелись. Пошли, чисто по-братски поможете, а я вам потом за колёса даже скидку сделаю!

Спрятав подарок Лены поглубже в салон и закрыв машину, они направились по заросшей тропе в самую глубь Ночного леса — туда, где среди чёрных деревьев виднелись ржавые ворота старого пионерского лагеря.

Откуда-то из чащи леса доносились глухие, качающие звуки драм-энд-бейса и пьяный крик: «Хмырь, захвати ещё ящик лагеря!». Но компания была настроена серьёзно. Ахмед остановился у ворот, залез в глубокий карман спецовки и протянул спутникам оружие. Артуру достался гаечный ключ поменьше, а Лене — увесистая, шуршащая упаковка калёных саморезов из прочной стали. Их ждала великая битва.

Войдя на территорию лагеря, они обнаружили, что здесь подозрительно тихо. Осторожно исследовав несколько полуразрушенных корпусов, троица направилась к самому большому зданию с облупившимися колоннами.

Они толкнули тяжёлые двери и зашли в полутёмный актовый зал. На старых деревянных креслах ровными рядами неподвижно сидели призраки детей. Их бледные зелёные силуэты слабо светились во тьме, а взгляды были устремлены на сцену. Там, задрвав подбородок, стоял вожатый. Его губы были густо измазаны светящейся призрачной сгущёнкой.

Ахмед резко замер. В далёком 1993 году он сам отдыхал в этом лагере, будучи подростком. Этот самый вожатый — тогда ещё живой девятнадцатилетний парень по имени Аслан — судил лагерные соревнования по борьбе и вечно засуживал Ахмеда, а по вечерам ради шутки вызывал его на ковёр «потренироваться» перед всем отрядом.

— Аслан... — глухо выдохнул Ахмед, сжимая свой ключ. — Жи есть, это ты, что ли?

Вожатый-призрак медленно повернул голову. Его глаза вспыхнули яростным зелёным огнём. В тот злополучный вечер, когда дети стали призраками, Аслан проявил истинно борцовский аппетит — он съел больше всех просроченной сгущёнки и сухариков со вкусом краба, став эпицентром лесного проклятия.

— Ахмед... — замогильным басом отозвался Аслан, и его призрачные уши зашевелились. — Опять ты встал на моем пути? На ковёр захотел?

— Ты мне ещё за девяносто третий год балл торчишь, леее! — взревел Ахмед, срывая с головы кепку. — Сегодня я тебя сниму с дистанции!

Ахмед посмотрел на сцену, затем перевёл взгляд на своих спутников и скомандовал:

— Это моя главная битва на сцене, жи есть. Вы пока займитесь детьми.

Артур решительно перехватил выданный гаечный ключ и уверенно кивнул:

— Я два месяца ходил на секцию плавания, так что с координацией у меня всё отлично!

Ахмед тяжёлыми шагами начал подниматься по деревянным ступеням прямо на сцену. В ту же секунду призрачные пионеры с визгом ломанулись со своих зрительских мест. Артур, вспомнив все уроки в бассейне, бросился в толпу духов. Словно рассекая воду техничным кролем, он грациозно прыгал по залу среди светящихся детей, уворачивался от когтистых лап и наотмашь бил их железным ключом.

Лена сделала глубокий вдох, замахнулась и с криком: «Похавайте, мелкие черти!» — первой швырнула в наступающую ораву увесистую горсть острых саморезов. Калёный металл с яростным шипением насквозь прожёл полупрозрачные тела. Пионеры с писком попятились назад, панически закрывая лица руками.

Увидев, как грозное зеленоватое воинство рассыпается перед куском строительного крепежа, Лена победно вскинула кулак и в полнейшем восторге закричала на весь зал:

— А знаете что?! Это будет мой самый лучший день рождения!

Тем временем на сцене развернулось настоящее титаническое побоище. Ахмед с ходу пошёл в плотный захват и сцепился с Асланом. Воздух вокруг них затрещал от борцовской энергии. Аслан, подпитанный просроченной сгущёнкой, яростно рванул соперника на себя. Раздался громкий треск: рабочая спецовка Ахмеда порвалась от плеча до самой талии.

Ткань сползла, обнажив массивное плечо великана, на котором красовалась огромная татуировка. На ней в чисто пацанском духе был набит винчестер, а прямо под ним шла гордая надпись:

«Если тебе плюют в спину, значит, ты впереди. А если тебе плюют в лицо — значит, ты пропустил проход в ноги».

Увидев этот шедевр лесной философии, Аслан на секунду опешил. Ахмед воспользовался замешательством соперника, хрустнул шеей и победоносно улыбнулся. Он поудобнее перехватил свой гаечный ключ и сделал стремительный проход в ноги. Скорость великана была такой, словно он снова оказался на чемпионате 1993 года. Он намертво обхватил Аслана, оторвал призрачного вожатого от сцены и с рёвом бросил его на сумасшедший борцовский прогиб.

Пол актового зала треснул, а по стенам лагеря «Лесное эхо» прокатилась ударная волна, оставившая в воздухе резкий запах озона. Впечатав соперника сквозь доски в самый фундамент, Ахмед навис над поверженным духом и выдал ещё одну эпичную цитату:

— Лучше быть последним среди борцов, чем первым среди пионеров со сгущёнкой.

Аслан, тяжело дыша зелёным паром, окончательно понял, что всухую проиграл этот поединок. Подняв руки, он хрипло запричитал:

— Всё, Ахмед, твоя взяла! Жи есть, ухажу! Обещаю, больше никогда не будем натягивать проволоку и мешать твоему бизнесу! Мелких тоже забираю, на дискотеку пойдём.

В ту же секунду призрачные дети, которых Артур и Лена к этому моменту уже знатно потрепали, дружно закивали и начали медленно таять в воздухе вместе со своим вожатым. В зале наконец-то воцарилась тишина, а туман за окнами стал рассеиваться.

С чувством выполненного долга колоритная компания вернулась обратно в лесной шиномонтаж. Ахмед за считанные минуты ловко доделал колёса, на этот раз абсолютно бесплатно и «чисто по-братски». Закончив работу, он вытер руки ветошью, серьёзно посмотрел на ребят и предложил:

— Слушай, Артур, слушай, Лена. Вы на ковре себя показали как настоящие тигры. Плавание и саморезы — это мощь, жи есть. Давайте ко мне в команду? Будем вместе этот Ночной лес от нечисти чистить, бизнес расширим! Станете профессиональными охотниками.

Артур и Лена переглянулись, уставшие, но довольные.

— Мы подумаем, Ахмед, — с улыбкой ответил Артур. — Но сначала нам нужно закончить кое-какое дело.

Артур подошёл к заднему сиденью машины, немного пошуршал упаковочной бумагой и торжественно вытащил ту самую огромную квадратную коробку, которую прятал весь вечер. Он протянул её имениннице:

— Ленка, с днём рождения!

Лена с замиранием сердца сорвала яркую обёртку, открыла плотную стильную крышку, а внутри... в тусклом свете аварийных огней шиномонтажа заблестел профессиональный фен Дайсон новейшей модели.

Лена взвизгнула от восторга, напрочь забыв про призраков и пробитые колёса, и крепко обняла Артура. Ахмед в углу одобрительно кивнул, поправил кепку, одёрнул порванную спецовку и негромко буркнул:

— Красавчик, жи есть. Хороший аппарат.

Навигатор на панели автомобиля наконец-то поймал сеть и уверенно произнёс: «Маршрут перестроен. Счастливого пути».

Артур завёл мотор, и машина мягко выкатилась из бокса на очистившуюся от тумана дорогу. Их первоначальный план на выходные окончательно изменился, превратившись в абсурдный боевик, но Лена, прижимая к себе заветную коробку, увлечённо рассматривала насадки и выглядела абсолютно счастливой. Артур, бросив взгляд в зеркало заднего вида, проводил глазами фигуру Ахмеда, стоявшего под светящейся вывеской с гигантским ключом на плече. Они оба прекрасно понимали: в этот Ночной лес они ещё обязательно вернутся. Теперь уже в качестве профессионалов.

4. Город под городом

Тяжёлый, спёртый воздух подземного Чернореченска пах ржавчиной, мокрым гранитом и чем-то неуловимо сладковатым, напоминающим старую бумагу. Луч тактического фонаря в руке Максима скользил по влажной кирпичной кладке. Позади него тяжело дышал коммунальщик Семёныч, то и дело поправляя сползающую каску. Он периодически замирал, оценивая прочность старых финских балок, то принимался привычно ворчать про свою службу в элитных частях. Парни давно считали эти рассказы обычной алкогольной байкой, хотя суровый, потёртый ремень с бляхой морской пехоты под засаленной робой коммунальщика заставлял в этом усомниться. Впереди, бесшумно перепрыгивая через лужи, двигался местный диггер Костян, у которого в потайном шве куртки лежал фиолетовый трофей из недавнего рейда на дореволюционные склады.

Они спустились через провал в техническом коллекторе на окраине города — там, где во время дорожных работ ковш экскаватора неожиданно провалился в пустоту. Обычная инспекция коммунальных служб превратилась в научную сенсацию, когда за слоем советского бетона обнаружилась идеально сохранившаяся кладка, уходящая круто вниз.

— Макс, глянь на это, — Костян остановился у массивной стальной гермодвери, наполовину покрытой налётом времени. — Тут замок... шведский, конца девятнадцатого века. Но петли свежие. Их смазывали.

— Не выдумывай, Кость, кто тут будет их смазывать? — проворчал Семёныч, вытирая пот со лба. — Тут со времён финской войны живой души не было. Крысы если только. Хотя карабины у них на заставах в сороковых, помню, точно так же чистили.

Максим подошёл ближе, коснулся пальцами холодной стали. На ней не было ни капли ржавчины — лишь тонкий слой машинного масла. Прежде чем он успел озвучить свою догадку, Костян с силой налёг на поворотный рычаг. С тяжёлым, маслянистым вздохом дверь поддалась, открывая путь вперёд.

Они шагнули за порог и замерли.

Перед ними простирался не бункер и не дренажная система. Это была улица. Настоящая, мощёная брусчаткой улица, уходящая вглубь гигантской естественной пещеры под Чернореченском. И она не была заброшена.

На надголовных сводах, закреплённые на камнях, ровным тёплым светом горели электрические фонари. По обе стороны дороги тянулись аккуратные фасады невысоких зданий, построенных в стиле северного модерна. Из открытой двери ближайшего магазина — судя по вывеске, часовой лавки — доносилось размеренное, жуткое в этой тишине тиканье сотен механизмов. На обочине стоял безупречно чистый, окрашенный в глубокий чёрный цвет автомобиль марки ГАЗ-М-20 «Победа», его хромированные бамперы зеркально отражали свет. Чуть дальше, за полуоткрытыми воротами центрального склада, виднелись ровные ряды огромных промышленных чанов с маслом.

— Господи помилуй... — прошептал Семёныч, медленно снимая каску. — Это что, секретное метро правительственное?

Максим сделал шаг вперёд, чувствуя, как сердце начинает бешено колотиться о рёбра. Он подошёл к автомобилю и коснулся капота. Металл был холодным, но на нём не было ни единой пылинки.

Из глубины улицы, из приоткрытого окна кондитерской лавки, раздался тихий, пронзительный звук. Это был радиоприёмник. Сквозь лёгкий хруст помех пробивался чистый, спокойный женский голос диктора:

— Напоминаем, что выброс пепла на поверхности сегодня превысил критическую норму. Оставайтесь в жилых секторах. Жизни наверху больше нет. Берегите себя.

Максим медленно обернулся к товарищам, его лицо побледнело в свете подземных фонарей. Навигатор в телефоне, как и электронные часы на запястье, полностью отключились из-за мощного магнитного поля пещеры — современные экраны просто погасли. При этом здешняя старинная техника, как и автоматика гермодверей, продолжала исправно функционировать благодаря грубому советскому экранированию и толстым свинцовым кожухам.

Из-за угла часовой лавки слышались лёгкие, размеренные шаги. К ним приближался человек в безупречно отглаженном сером пальто и фетровой шляпе. Заметив троицу в грязной спецовке и треккингowych куртках, незнакомец резко остановился. В его глазах читался не страх перед чужаками, а глубокий, искренний ужас.

— Вы... — голос мужчины сорвался на шёпот, он медленно попятился назад. — Этого не может быть. Наверху ведь... ничего не осталось. Только пепел. Кто вы такие?

— Спокойно, мы не причиним вам вреда, — Максим сделал осторожный шаг вперёд, примирительно подняв раскрытые ладони. — Мы сверху. Из Чернореченска. Там всё в порядке, никакого пепла нет, люди живут обы...

Он не успел договорить. Незнакомец в сером пальто судорожно метнулся к стене ближайшего здания, где под козырьком кондитерской лавки притаилась тяжёлая чугунная коробка. Мужчина с силой ударил ладонью по массивной красной кнопке.

Над подземной улицей тут же завывла глухая, басовитая сирена. Электрические фонари на сводах мгновенно сменили тёплый жёлтый свет на тревожный, пульсирующий багровый.

— Назад! — скомандовал Костян, разворачиваясь к гермодвери, но тяжёлая стальная створка под воздействием автоматики уже со скрежетом захлопывалась сама собой, отрезая путь к спасительному коллектору. Автоматическая система безопасности наглухо заблокировала шведский ригель.

— Попали... — обречённо прошептал Семёныч, вжимаясь спиной в холодный кузов чёрной «Победы».

Из боковых переулков покатались тяжёлые, чёткие шаги. Через секунду троицу окружили шестеро мужчин в плотных полувоенных шинелях мышиного цвета и глубоких фуражках. В руках они держали карабины старого образца, но целились уверенно и жёстко. Сопrotивляться было бессмысленно. Под конвоем, без лишних слов, Макса, Костяна и Семёныча повели по длинным переулкам скрытого города, спустили в сырой цокольный ярус одного из административных зданий и заперли в глухой камере с тяжёлой деревянной дверью.

Они провели в полумраке около часа. Семёныч нервно ходил из угла в угол, Костян безуспешно пытался реанимировать свой смартфон, а Макс сидел на жёсткой скамье, тщетно пытаясь уложить происходящее в рамки исторической науки.

Лязгнул засов. Дверь камеры тяжело отворилась, и конвоиры жестом приказали Максиму выйти.

Его привели в просторную, хорошо освещённую комнату для допросов. Напротив массивного дубового стола в глубоком кресле сидела влиятельная рыжеволосая женщина лет сорока. Её огненные, аккуратно уложенные волосы резко контрастировали со строгим тёмно-синим костюмом закрытого типа. В её осанке и холодном, пронзительном взгляде зелёных глаз чувствовалась привычка беспрекословно отдавать приказы. Это была руководитель местной службы безопасности подземного города.

Она неторопливо перелистывала разложенные на столе личные вещи Макса: диктофон, паспорт, зажигалку и заблокированный телефон.

— Присаживайтесь, Максим, — её голос был низким, бархатистым, но лишённым каких-либо эмоций. Она дождалась, пока конвой закроет дверь с той стороны, и аккуратно отодвинула в сторону его паспорт гражданина РФ. — Меня зовут Изольда. И я хочу услышать вашу историю. Откуда вы пришли? И что сейчас происходит там, наверху?

Макс сглотнул сухой ком и сел на скрипнувший стул напротив Изольды. Включая профессионального лектора, археолог принялся методично объяснять устройство современного мира. Он говорил про крушение Советского Союза, про интернет, смартфоны, про то, что Чернореченск — это туристический центр с кофейнями, Сад скульптур и потоком машин, а вовсе не выжженная пустыня. Изольда слушала его молча. Её глаза оставались холодными, но пальцы, постукивающие по крышке стола, выдавали едва заметное внутреннее напряжение.

Пока Макс читал лекцию о XXI веке, в сырой камере этажом ниже Семёныч с Костяном лихорадочно соображали, как выбраться на волю. На очередном резком развороте диггер слишком сильно рванул подкладку куртки. С тихим шуршанием из потайного шва на каменный пол выпал небольшой прозрачный зип-пакет.

Это была «Пыльца фей» — мелкодисперсный порошок глубокого фиолетового, почти чёрного цвета. В тусклом свете камеры он зловеще замерцал, будто внутри находились крошечные кристаллы. В воздухе тут же разлился приторно-сладкий, дурманящий запах, а у Костяна и Семёныча во рту появился отчётливый металлический привкус. Семёныч в ужасе уставился на пакет.

В это время в комнате допросов Изольда, внимательно выслушав затянувшуюся речь Макса, медленно закрыла его паспорт. На её лице не отразилось ни тени сомнения — лишь холодный расчёт лидера, давно ищущего повод изменить баланс сил в скрытом мегаполисе.

— Допустим, я вам верю, Максим, — спокойно произнесла она, поднимаясь из-за стола. — Ваша правда звучит безумно для нашего народа, но ваши вещи говорят сами за себя. Я готова отпустить вас. Но с одним условием. Вы должны поговорить с нашим местным исследователем. Мне нужно понять, как использовать вашу информацию, чтобы без паники открыть людям правду. Совет Мэров слишком долго держит город в узде этой ложью.

Пока Семёныч вполголоса, но яростно пытался отчитать Костяна за неосмотрительность, приторный запах фиолетового порошка заполнил коридор. Этот аромат обладал странным свойством, вызывая непреодолимое желание вдохнуть его. На этот зовущий шлейф из темноты караулки лениво вышел конвоир. Увидев сквозь решётку на полу светящийся пакет, он шумно втянул ноздрями воздух. Со словами: «Так, а это что это там у вас?» — он бесцеремонно толкнул дверь, наклонился и забрал опасную находку себе. Костян даже пикнуть не успел.

Тем временем наверху Изольда повела Макса по длинным переходам административного крыла. Через пару минут они оказались у дверей глубокого цокольного полуподвала, где располагалась местная лаборатория. Помещение было надёжно защищено толстыми стальными экранами от внешних магнитных полей пещеры, и смартфон Макса в этой зоне внезапно ожил, перезагрузился и снова поймал внутреннее питание.

Местным исследователем оказался пожилой мужчина по имени профессор Вальтер Эренберг. Это был сухой, невероятно подвижный старик с копной седых, вечно взъерошенных волос и цепким, колючим взглядом сквозь круглые треснувшие очки. Лаборатория Вальтера была забита старинными медными ретортами, чертежами подземных коммуникаций Чернореченска и кустарными датчиками, измеряющими давление воздуха на глубине.

Когда Изольда коротко представила гостя, старик лишь скептически фыркнул. Однако Максим не стал тушеваться. Он вытащил свой оживший смартфон и открыл галерею. Максим развернул экран к профессору и показал ему свежие, чёткие цветные фотографии современного Чернореченска: залитые солнцем улицы, Сад скульптур, поток машин и абсолютно чистое синее небо.

Вальтер замер, нервно протирая очки подолом халата. Окончательным ударом для его сомнений стал секретный архивный документ Совета, который Вальтер обнаружил совсем недавно в старых фондах, но не мог расшифровать без внешних данных — пожелтевший приказ 1974 года об искусственном глушении внешних радиочастот и фальсификации показаний воздушных фильтров. Фотографии Макса стали тем самым недостающим доказательством,

которое профессор искал годами. Руководство города действительно десятилетиями обманывало людей. Вальтер медленно опустился на стул, уставившись в одну точку. Он был в глубоком шоке.

Изольда, сохраняя ледяное спокойствие, медленно перевела взгляд с потрясённого профессора на Макса.

— Нам нужен план, — жёстко произнесла она. — Резко открывать ворота нельзя, город захлебнётся в панике.

Но договорить они не успели. В подвале разворачивался кошмар.

Охранник, забиравший у Костяна пакет, сидел за своим рабочим столом в караулке. Одурманенный непреодолимым ароматом, он поддался зову порошка и вдохнул мерцающее вещество. Эффект наступил пугающе быстро — сильнейший психотропный антикоагулянт Жеффри Пепштейна мгновенно ударил по разуму, вызвав видения спускающихся ангелов. Полностью потеряв связь с реальностью, конвоир с блаженной улыбкой побрёл по коридору. Его сосуды судорожно сжимались, выталкивая всю жидкость к крупным артериям, а ноги сами привели его на соседний склад снабжения. Забредая в темноту среди стеллажей, сумасшедший охранник перешагнул через бортик и с головой рухнул в огромный промышленный чан с детским маслом.

В ту же секунду химическая реакция породила густые ядовитые пары. Раздался жуткий, утробный хруст. Неизвестная органика Пепштейна мгновенно завершила свою работу, и из чана поднялся уже полностью обескровленный, мертвенно-бледный зомби-нацист.

Монстр вылез из цистерны, оставляя за собой жирные фиолетовые следы, и с рыком бросился на жилые улицы. Он ворвался в первый же попавшийся дом, нападая на людей. По тихим переулкам скрытого города разнёсся первый истошный вопль, а по брусчатке хлынули брызги крови. Вирус начал распространяться в геометрической прогрессии: разорванные жертвы монстра, пропитавшись этой отравленной масляной смесью, мгновенно бледнели, их глаза пустели, и они поднимались с брусчатки, тоже обращаясь в нежить.

По всему подземному городу с оглушительным рёвом вновь завывала сирена тревоги. Мирные улицы погрузились в хаос.

Макс и Изольда быстрым шагом побежали вниз к камерам, чтобы освободить Костяна и Семёныча. Стоило им открыть дверь, как они застали диггера и коммунащика в состоянии полного шока, но времени на расспросы не было. Из переулков уже доносился грохот. Изольда, заметив панический взгляд парней в сторону выхода, внезапно преградила им путь, выхватив пистолет из кобуры. Её лицо исказилось от ярости.

— Вы никуда не уйдёте! — неистово закричала она, решив, что новые гости намеренно устроили эту диверсию. — Вы останетесь здесь навсегда после того, что вы натворили!

Но договорить она не успела. Семёныч, который до этого момента казался лишь ворчливым уставшим коммунащиком, среагировал молниеносно. В его глазах вспыхнул опасный огонёк. В своё время, когда он служил на флоте, он был элитным морским котиком и прошёл самую жёсткую школу выживания. Семёныч коротко замахнулся и с размаху сломал Изольде кабину мощным апперкотом. Женщина рухнула на каменный пол без сознания.

— Шевелите поршнями, пацаны! — гаркнул Семёныч, перехватывая оброненный наступающим из коридора стражником тяжёлый карабин. — Я по звуку карабинов на заставе слышу: пули в корпус этих тварей бесполезны, у них крови нет! Нам нужно только черепушки разносить, валить прямо в голову, уяснили?!

Герои бросились бежать по багровым переулкам. Позади них уже формировалась толпа из нескольких заражённых монстров, оставляющих на брусчатке склизкие фиолетовые следы от детского масла. Твари двигались с пугающей скоростью. Несколько подросевших стражей порядка попытались остановить их, открыв огонь, но пули насквозь прошивали бледные тела, не причиняя им вреда. Монстры мгновенно подмяли стражей под себя, расширяя свою орду.

Троица, задыхаясь, добежала до конца улицы, преодолела технический коридор и ворвалась в узкий предтамбур, где едва могли разминуться два человека. Но на пороге их ждало жестокое разочарование — массивная стальная гермодверь оказалась наглухо закрыта автоматикой безопасности, заблокировавшей механический ригель. Сзади, из темноты коридора, уже доносился тяжёлый топот нежити и отчётливый приторно-сладкий запах. Они были загнаны в угол.

Семёныч тяжело выдохнул, оценивая узкое пространство коридора. Это место было идеальной точкой обороны: зомби не могли обойти его и были вынуждены наступать строго поодиночке. Сорвав с шеи старый красный платок, он обвязал голову красной повязкой, словно Рэмбо, и повернулся к опешившим спутникам.

— Пацаны, я их задержу, в этот проход они не сунутся, пока я жив, — глухо, но твёрдо сказал Семёныч, уверенно вскидывая карабин к плечу. — Вы ещё молодые, живите. И... дочке моей передайте, если выберетесь... Передайте, что все мои пьяные рассказы про армию были правдой. До единого слова.

— Семёныч, стой! — крикнул Макс, но коммунальщик уже не слушал.

С неистовым рёвом бывшего морского котика Семёныч побежал прямо на наступающих тварей, перекрывая собой узкий коридор. Первый же обескровленный нацист попытался вцепиться ему в горло, но Семёныч ловким армейским перехватом увернулся и с размаху сломал ему кабину ударом тяжёлого оружейного приклада карабина, разнеся череп мертвеца в щепки. Только такое тотальное разрушение головы мгновенно останавливало монстров. Семёныч превратился в живую машину смерти: ломая кости и круша челюсти одну за другой, он пробивал им апперкоты и двойки, удерживая узкий проход и давая парням драгоценные секунды.

В это время Костя с Максом судорожно начали придумывать, как вскрыть заблокированную автоматику.

— Автоматика заперла механический ригель! — Костя лихорадочно ковырялся дигтерским ножом в распределительном щитке управляющей электроники, откуда сыпались искры. — Нужен сильный электрический импульс, чтобы выжечь контроллер замка, иначе аварийный ручной механизм не разблокируется!

Костя лихорадочно выдрал из щитка оголённые провода контроллера и намертво прижал их к контактам литий-ионного аккумулятора своего смартфона. На самих контактах батареи бешено полыхнула мощная искра. Короткое замыкание полностью сожгло заблокированную электронную плату управления, и шведский ригель с тяжёлым металлическим щелчком наконец поддался, освобождая систему.

— Макс, хватай рычаг! Крути! — истошно закричал диггер.

Археолог навалился всем телом на освободившийся поворотный штурвал, и тяжёлая стальная створка со скрипом поползла в сторону, открывая путь наверх.

— Бежим!

Уже побежав на свободу сквозь открывшийся проём, Макс на секунду обернулся назад. Сердце археолога сжалось от ужаса и восхищения. В самом центре узкого коридора, окружённый несколькими яростно наступающими тварями, стоял Семёныч. Его красная повязка была пропитана фиолетовым маслом. Макс увидел, как зомби-нацисты окончательно завалили бывшего морского котика и начали разрывать его на куски. Но коммунальщик не сдавался до самого конца: из его разбитого телефона на всю мощь хрипел легендарный трек AC/DC — «Highway to Hell», а сам Семёныч, уходя во тьму под рёв нежити, из последних сил высоко поднимал руку, показывая парням большой палец вверх.

Макс и Костя ворвались в коллектор, с силой захлопнули за собой освобождённую от сгоревшей автоматики гермодверь и намертво, до упора закрутили внешний штурвал ручного управления, запечатывая подземный ад. Задыхаясь, кашляя от приторного запаха пыли и

спотыкаясь о гранитные выступы, они практически на карачках выползли через провал технического коллектора наружу — на свежий воздух современного Чернореченска.

Однако на поверхности их ждал новый сюрприз. Когда Костя с Максом, измазанные грязью и тяжело дышащие, выбрались на свободу, их уже встречали.

Прямо перед выходом из коллектора стоял высокий, поджарый мужчина с глубоким бронзовым оттенком кожи. На его левой щеке проходил тонкий белый шрам. Но главной отличительной чертой незнакомца были пронзительные глаза, создающие полное ощущение, будто он видит человека насквозь. На его пальце тускло поблёскивал фамильный серебряный перстень с потемневшим сердоликом. Лачо Баро медленно опустил взгляд на кольцо, затем перевёл взгляд на Макса и Костю.

Незнакомец медленно посмотрел на них, затем на наглухо закрытую гермодверь за их спинами и едва заметно усмехнулся.

— Не бойтесь, парни... вам больше некуда торопиться, нас ждёт долгий и серьёзный разговор.

5. Отмена реальности

Виктор Аркадьевич Воронцов сидел в своём роскошном московском офисе на тридцатом этаже «Москва-Сити». На его дорогом дубовом столе лежали свежие документы на выкуп земли в Чернореченском лесу. Бизнес-план был идеален: элитный эко-отдых, тишина, глушь, дикая карельская природа.

Проблемы начали проявляться три дня назад, когда на объект завезли первую строительную бригаду. Телефон Воронцова разрывался от звонков насмерть перепуганного прораба.

— Виктор Аркадьевич, мужики отказываются работать! — орал в трубку прораб, перекрывая странный, утробный гул на фоне. — Они бросают бензопилы и крушат бытовки! Из самой чащи леса, круглосуточно, лупит какой-то драм-энд-бейс! Басы такие, что вековые ели вибрируют! Рабочие уже бредят, несут какую-то лютую чушь... Говорят, там в лесу есть тайная поляна, на которой живут... какие-то стринги! Трёхметровые, бледные! Они боятся, что эти стринги их сожрут!

— Какие ещё, к чёрту, стринги в Чернореченском лесу?! — рявкнул Воронцов, багровея от злости. — Нижнее бельё вас атаковало?! Идиоты! Прекратить панику!

Повесив трубку, Виктор Аркадьевич понял, что обычными методами этот саботаж не решить. Рабочие явно словили коллективный психоз. Здесь нужен был специалист особого калибра. Человек, способный задушить любой бунт, любую аномалию и любую логику ещё в зародыше.

Воронцов открыл потайной сейф, достал оттуда старый серый дисковый аппарат и набрал номер, который не менялся с советских времён. Связь установилась на третьем гудке. На том конце провода задышало ледяное, бюрократическое безмолвие.

— Алло, Елизавета? — Воронцов непроизвольно поправил галстук, хотя его никто не видел. — Это Воронцов. У меня ЧП на новом объекте под Чернореченском. Рабочие взбунтовались из-за музыки и каких-то слухов. Мне нужно, чтобы вы срочно выехали туда и помогли разобраться в ситуации. Раз и навсегда.

— Чернореченский лесной массив? — раздался в ответ голос Елизаветы Тризубиной, похожий на шелест сухих архивных справок. — Поняла. Выезжаю. Я отменю этот драм-энд-бейс. Вместе с его источником. Исполнительное производство открыто.

Через два часа к границе Чернореченского леса подкатил старый, но идеально вычищенный чёрный «Волга-ГАЗ-24». Из машины вышла Елизавета в неизменном сером костюме. Вслед за ней с пассажирского сиденья степенно вылез её муж, карельский знахарь Псевдослав. На нём были тяжёлые, ниспадающие монашеские наряды, от которых пахло ладаном, болотной тиной и сыростью. Свои духовные практики он оттачивал годами, методично облизывая Онежское озеро, отчего его язык приобрёл неестественную длину, шероховатость и пугающую чувствительность к любым видам энергий.

Псевдослав нежно приобнял жену за плечи и заботливо поправил сползшие на кончик её носа очки в роговой оправе:

— Аккуратнее, Лизонька, тут кочки злые. Дай-ка я дорогу впереди разведу.

Он высунул свой огромный язык, поймал им пролетавшего мимо слепня, причмокнул и прислушался. Из глубины леса, сквозь заросли, действительно доносился плотный, агрессивный ломаный бит. Земля под ногами Елизаветы слегка подрагивала в ритме 174 BPM.

— Чуешь, какая там плотная энергетика в чащобе бурлит? Прямо качает! — оскалился Псевдослав, потирая руки. — Давно я такой святой силы не слизывал. Пойдём, проверим этих «стринг».

Елизавета лишь хладнокровно достала из папки чистый бланк «Акта о прекращении звуковых колебаний» и уверенным шагом направилась прямиком вглубь леса, на звук басов. Она

ещё не знала, что на той самой поляне, развалившись в старом кресле-мешке, профессиональный актёр-неудачник Марк как раз допивал последнюю бутылку лагеря, а трёхметровый Хмырь увлечённо настраивал Wi-Fi на смартфоне...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.